

18+

ДМИТРИЙ ГОЛЯКОВ

Пчеловод

«ПРОВОДНИК ДУШ»

Дмитрий Голяков

Пчеловод. Проводник душ

«Издательские решения»

Голяков Д.

Пчеловод. Проводник душ / Д. Голяков — «Издательские решения»,

Андрей умирает от тромба. Но смерть становится началом нового пути. Он — проводник душ, помогающий умершим перейти в свет. Ему предстоит провести тысячу душ, чтобы обрести свободу. Тут свои законы: ловцы охотятся на проводников, чистильщики уничтожают души. Андрей проходит через битвы и погони, чтобы защитить семью. И однажды он получит право вернуться к живым — всего на один день. «Проводник» — пятая книга цикла «Пчеловод». История о том, что даже после смерти можно оставаться человеком.

© Голяков Д.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. Сова и крест	6
ГЛАВА 2. Первый переход	9
ГЛАВА 3. Учитель	14
ГЛАВА 4. Чужая боль	19
ГЛАВА 5. Квота	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Пчеловод Проводник душ

Дмитрий Голяков

© Дмитрий Голяков, 2026

ISBN 978-5-0071-4478-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается тем, кто ушёл, но остался рядом.

ГЛАВА 1. Сова и крест

Весна 2017 года. Городское кладбище.

В тот год весна пришла поздно. Ещё в апреле лежал снег, дорожки кладбища превратились в кашу, и старый пикап Димы с трудом пробивался по раскисшей земле. Андрей сидел на пассажирском сиденье, откинувшись на спинку, и смотрел в окно. Ему было тридцать четыре, но выглядел он старше — крупный, коренастый, с широкими плечами, обветренным лицом и вечной щетиной, которую он брил раз в неделю, когда было не лень.

— Ну что, брат, — сказал Дима, глуша мотор. — Поработаем.

— Поработаем, — хмыкнул Андрей, выбираясь из кабины. — Кому сейчас легко.

Они вышли на центральную аллею. Кладбище встретило их запахом талой земли и перепревшей прошлогодней травы. Ветер шевелил голые ветки деревьев, и где-то вдалеке каркала ворона.

— Заказ у Сидоровых, — сказал Дима, заглядывая в блокнот. — Памятник поправить, оградку покрасить, землю подсыпать.

— Работы на три часа, — оценил Андрей. — Успеем до темноты.

Они прошли мимо старых могил с покосившимися крестами, мимо свежих холмиков с искусственными цветами, мимо гранитных монументов, на которых ещё не выцвели портреты. Андрей шёл и посвистывал — он всегда так делал, когда был в хорошем настроении.

— Ты чего сегодня такой весёлый? — спросил Дима.

— А чего грустить? День ясный, работа есть. Живём.

Дима усмехнулся. Брат всегда умел радоваться мелочам. Это помогало ему выдерживать их работу — не каждый способен каждый день видеть чужое горе и не сломаться.

У могилы Сидоровых они принялись за дело. Дима подсыпал землю, Андрей красил оградку. Работали молча, привычно, иногда перебрасываясь короткими фразами.

— Слушай, — сказал Андрей, выпрямляясь и растирая спину. — Ты заметил, туя вон там, у старой могилы, разрослась? Красивая какая.

Дима посмотрел. Действительно, туя стояла пышная, ярко-зелёная, выделяясь на фоне серого неба.

— Хорошая, — согласился он.

— Надо бы веточек наломать, — задумчиво сказал Андрей. — На участок отвезти, посадить. У нас же пусто.

— Нельзя с кладбища ничего брать, — напомнил Дима. — Примета плохая.

— Да ладно тебе, приметы. Веточки — не цветы с могилы. Посадим — память будет.

Дима хотел возразить, но Андрей уже шёл к туе, ломал ветки, складывал в пакет.

— Ты упрямый, — сказал Дима.

— А ты суеверный, — ответил Андрей, усмехнувшись. — Поехали.

Они закончили работу, погрузили инструменты, и Дима повёз брата в Погорелку — Андрей хотел посадить туи у себя на участке.

Дорога в Погорелку

В машине Андрей стянул куртку, закатал рукава свитера. На левом предплечье темнела татуировка — сова, глазастая, мудрая. На правом — кельтский крест, грубоватый, но аккуратный, с переплетениями, в которые, если долго смотреть, можно было провалиться.

— Когда ты это набил? — спросил Дима.

— Да недавно, — ответил Андрей. — Сова — на удачу, крест — от дураков. Не помогло.

— Почему?

— Дураков много.

Дима рассмеялся. Андрей умел шутить даже о серьёзном.

В Погорелке Андрей вышел, взял пакет с ветками, махнул рукой.

— Завтра посажу. Погода позволяет.

— Давай, — сказал Дима. — Смотри, чтоб принялись.

— Примутся, куда денутся.

Дима уехал, а Андрей пошёл в дом. Ветки туи положил в сарае, на полку, чтобы не засохли. И забыл о них. Навсегда.

Болель

Дима заболел через три дня. Сильно, с температурой, с ломотой в теле. Валялся пластом, пил таблетки, ничего не помогало.

— Это из-за тех веток, — сказал он матери, когда та принесла чай. — Нельзя было брать. Я же знал, а не остановил.

— Глупости, — ответила мама. — Это грипп. Сейчас весна, вирусы.

— Нет, — упрямо сказал Дима. — Это знак.

Он заставил себя встать, поехал в гараж, где они с Андреем держали инструменты, нашёл пакет с туей, забытый после поездки. Выкинул в мусорный бак, перекрестился.

Через день температура спала. Дима выдохнул — отпустило.

— Видишь, — сказал он брату по телефону. — Из-за веток.

— Ерунда, — отмахнулся Андрей. — Совпадение.

— А ты их посадил?

— Забыл. В сарае лежат. Посажу на выходных.

Не посадил. И на следующих выходных тоже. Пакет с ветками перекочевал с полки в угол, потом под верстак, потом завалился ящиками. Андрей о нём забыл. Дима тоже.

До самой смерти.

Осень 2017 года. Больница.

Тромб оторвался ночью. Андрей даже не понял, что случилось — сначала боль в ноге, потом в груди, потом темнота. Он пытался крикнуть, позвать медсестру, но тело не слушалось.

— Тихо, — сказал кто-то рядом.

Андрей открыл глаза. У кровати стоял мужчина в чёрном плаще — не врач, не санитар, кто-то другой. Прозрачный, светящийся едва заметно.

— Кто ты?

— Проводник. Время пришло.

— Я не хочу умирать.

— Никто не хочет. Но так надо.

Андрей посмотрел на свои руки — они начали светиться, становиться прозрачными. Татуировки — сова и крест — светились ярче остальных.

— А они останутся?

— Они с тобой. Часть тебя.

Боль ушла. Андрей сел на кровати — и увидел своё тело, лежащее с закрытыми глазами.

— Теперь ты здесь, — сказал проводник. — Идём.

Они вышли из палаты сквозь стену, прошли по коридору. Медсестры не замечали их, врачи проходили сквозь.

— Куда мы?

— Сначала к тем, кого ты любишь. Попрощаться. Потом — за границу.

Дом матери

Андрей шагнул сквозь дверь. Мать спала на диване, телевизор работал, показывал какой-то старый фильм. Она выглядела старой, уставшей — Андрей впервые заметил, как много морщин прибавилось за последние годы.

— Прощай, мам, — прошептал он, хотя знал — она не услышит. — Спасибо за всё.

Она во сне улыбнулась. Может, всё-таки услышала.

Погорелка

Дима сидел на крыльце, смотрел на лес. Пчёлы гудели тревожно, граница дрожала.

— Чуешь? — спросила Ирина, вышедшая с ним.

— Чую. Кто-то ушёл.

— Близкий.

В углу крыльца затеплился золотистый свет. Ирина ахнула.

— Андрей, — сказала она.

Дима поднял голову. Брат стоял перед ним — прозрачный, светящийся, но улыбающийся. В свете луны татуировки на его руках горели ярче обычного.

— Здравствуй, Дим.

— Ты... ты умер?

— Умер. Но я здесь. Теперь я — проводник.

Дима встал, шагнул к нему, протянул руку. Пальцы прошли сквозь свет.

— Не плачь, — сказал Андрей. — Я рядом. Я всегда буду рядом.

— Что мне делать?

— Живи. Береги пасеку, береги границу. А я буду помогать оттуда.

— А те ветки? — вдруг спросил Дима. — Туя. Ты их так и не посадил.

Андрей усмехнулся.

— Они в сарае, под верстаком, за ящиками. Засохли уже. Выброси их. И не вини себя.

Это не из-за веток. Просто время пришло.

Свет погас. Дима стоял, глядя в пустоту, и слёзы текли по его лицу.

— Он ушёл? — спросила Ирина.

— Ушёл. Но обещал вернуться.

На следующий день Дима, нашёл в сарае засохшие ветки туи, выкинул их в костёр. Долго смотрел, как они горят, и думал о брате. О том, что не уберёт. О том, что мог бы быть рядом. О том, что теперь поздно.

— Прощай, Андрей, — прошептал он.

Ветер подхватил пепел и унёс в лес.

ГЛАВА 2. Первый переход

Та же ночь. Пространство между мирами.

Андрей стоял на поляне, где воздух дрожал, как над костром. Вокруг не было ни леса, ни неба — только серое марево, тянущееся во все стороны, и тишина, которая давила на уши. Проводник — тот, кто встретил его у больничной койки — стоял рядом, сложив руки на груди.

— Теперь ты один из нас, — сказал он. — Но сначала научишься.

— Чему? — спросил Андрей. — Провожать?

— Слушать. Чувствовать. Различать. Не все души одинаковы. Некоторые боятся, некоторые не верят, что умерли, некоторые злятся. С каждым нужен свой подход.

— А если они не хотят идти?

— Тогда они остаются здесь. Навсегда. И становятся тенями. Ты видел таких — они живут среди живых, пугают их, иногда вредят. Наша задача — не дать им застрять.

Андрей кивнул. Он вспомнил тени, которые иногда видел краем глаза — у границы, в лесу, в городе. Теперь он знал, кто они.

— А ты? — спросил он проводника. — Ты тоже когда-то был человеком?

— Был. Давно. Теперь моя работа — учить таких, как ты. Но недолго. Скоро ты будешь сам.

Проводник протянул руку, и на ладони Андрея загорелся маленький золотистый огонёк.

— Это твой свет. Он помогает душам видеть тебя. Не дай ему погаснуть.

— А если погаснет?

— Тогда ты сам станешь тенью.

Огонёк впитался в ладонь, и Андрей почувствовал тепло, разливающееся по всему телу.

— А татуировки? — спросил он. — Они останутся?

— Они — часть тебя. Они помогут тем, кто узнает в них что-то своё. Сова — символ мудрости, крест — символ защиты. Не случайно ты выбрал их.

— Я не выбирал. Мне их друг набил, тренировался когда тату салон решил завести.

Проводник усмехнулся.

— Случайностей не бывает.

Первый зов

Андрей почувствовал его через несколько часов — или дней, он не знал, как здесь течёт время. Тонкий, жалобный голос звал откуда-то из серого марева.

— Иди, — сказал проводник. — Это твой первый.

Андрей пошёл на голос. Марево расступилось, и он увидел старуху, сидящую на корточках у невидимой стены. Она плакала, закрыв лицо руками.

— Бабушка, — позвал Андрей, присаживаясь рядом.

Она подняла голову. Лицо её было морщинистым, мокрым от слёз.

— Ты кто?

— Я — проводник. Помогу вам перейти.

— Куда перейти? Я не хочу никуда переходить. Я хочу домой, к внукам, к пирожкам...

— Вы умерли, бабушка. Сердце остановилось во сне. Это не больно.

Она посмотрела на свои руки, прозрачные, светящиеся.

— А ведь правда, — прошептала она. — Я помню, как ложилась, а проснулась уже здесь.

— Не бойтесь. Я провожу.

— А там хорошо?

— Говорят, хорошо. Я сам ещё не был, только провожаю.

Старуха вздохнула, вытерла слёзы.

— Ладно, веди.

Андрей протянул руку. Она взялась за неё, и в этот момент его ладонь вспыхнула золотом. Свет обволок их обоих, и стена перед ними открылась — не дверь, а проход, ведущий в яркое, тёплое сияние.

— Идите, — сказал Андрей. — Вас там ждут.

— А вы? — спросила старуха.

— А у меня работа.

Она шагнула в свет и исчезла. Проход закрылся.

Андрей стоял, глядя на пустую стену, и чувствовал, как внутри разливается странное тепло. Не от огонька на ладони — от сделанного дела.

— Молодец, — сказал проводник, появляясь рядом. — Первый переход — самый трудный.

— Почему?

— Потому что после него ты понимаешь, что обратной дороги нет. Ты теперь не человек. Ты — проводник.

Город. Квартира Андрея.

Андрей не знал, может ли он возвращаться в мир живых. Проводник сказал — может, но не должен вмешиваться. Только смотреть.

Он шагнул сквозь стену своей квартиры. Мать спала на диване, телевизор работал, на журнальном столике стояла недопитая кружка чая. Андрей сел на край кровати, посмотрел на нее.

— Прощай, мама, — прошептал он. — Я буду рядом.

Мать во сне улыбнулась.

Андрей постоял ещё немного, потом вышел.

Кладбище

Андрей оказался на кладбище — там, где они с Димой работали весной. Свежий холмик, венки, ленты с надписями «от родных», «от коллег». Его могила.

Он посмотрел на памятник — ещё не установили, только деревянный крест с табличкой, где выведено его имя и даты.

— Странно, — сказал он вслух. — Смотреть на себя со стороны.

Рядом кто-то кашлянул. Андрей обернулся — на скамейке сидел мужик в рабочей одежде, с сигаретой в зубах. Прозрачный, как и он сам.

— Ты кто? — спросил Андрей.

— А ты не догадываешься? — мужик усмехнулся. — Тоже проводник. Давно уже. Скучаю вот, иногда прихожу сюда, на свои похороны. Память.

— А не больно?

— Привык. Ты привыкнешь.

Мужик затушил сигарету (дым тоже был прозрачным) и встал.

— Слышь, новенький. Не лезь в жизнь живых. Смотри, но не трогай. Иначе сам станешь тенью. Понял?

— Понял.

— Вот и молодец. Бывай.

Он исчез, а Андрей ещё долго стоял у своей могилы, глядя на свежий холмик.

— Прощайте, — сказал он. — Я буду помнить.

И ушёл в серое марево, где ждали новые души.

* * *

Пространство между мирами. Время потеряло счёт.

Андрей не знал, сколько прошло — день, неделя, месяц. Время здесь не текло, а пульсировало, как живое существо. Иногда ему казалось, что он только что покинул больничную палату, иногда — что прошла вечность.

Проводник, которого он про себя называл Старшим, вёл его по серому мареву, показывал, объяснял, учил.

— Души не всегда приходят к нам. Некоторые нужно искать. Они теряются, прячутся, боятся. Твоя задача — найти, успокоить, провести.

— А если они не хотят?

— Тогда ты остаёшься с ними. Не навсегда, но пока не уговоришь. Или пока они не согласятся. Иногда это занимает годы. В нашем времени — годы, в их — мгновения. Но ты должен помнить: бросить нельзя. Если ты уйдёшь, они останутся здесь навсегда. Станут теньями.

— А тени — это плохо?

— Не хорошо и не плохо. Это просто... застывшая боль. Они не живут, не умирают, просто существуют. Иногда пугают живых, иногда помогают. Но это неправильно. Так не должно быть.

Андрей кивнул. Он вспомнил тени, которые видел у границы в Погорелке, когда был жив. Они пугали его тогда, теперь он их понимал.

— А мы? — спросил он. — Проводники — мы тоже когда-то были людьми. Почему мы не стали теньями?

— Потому что у нас есть работа. Потому что мы нужны. Свет в нас не погас, он только изменился. Стал не для себя, для других.

Андрей посмотрел на свои руки. Они светились — слабо, но заметно.

— А я смогу увидеть брата? Димку? Он Хранитель, он чувствует.

— Сможешь. Но не вмешивайся. Смотри, говори, если он позовёт. Но не меняй его судьбу. Это закон.

— Я понял.

— Пойдём. Сегодня будет много работы.

Первая ночь в морге

Старший привёл его в холодное помещение с белыми стенами и металлическими столами. Морг. Андрей никогда не был здесь при жизни, но сейчас узнал по запаху — формалина, смерти, чистоты.

— Здесь ждут, — сказал Старший. — Пятеро. Один старик, двое молодых, женщина и ребёнок.

— Ребёнок? — Андрей сглотнул.

— Дети уходят легче, чем взрослые. Они не боятся, не цепляются. Им достаточно увидеть свет.

Они прошли сквозь стену в соседнюю комнату, где на каталках лежали тела, накрытые простынями. Над каждым телом в воздухе висела прозрачная фигура — душа, ещё не осознавшая, что произошло.

Старик сидел на краю своей каталки и смотрел на свои руки. Увидев Андрея, поднял голову.

— Я умер? — спросил он.

— Да, дедушка. Сердце.

— А я думал, ещё поживу. Внуков ждал.

— Они придут. Попрощаются. А вас ждут там.

Старик вздохнул, встал.

— Веди.

Андрей протянул руку, и свет на его ладони вспыхнул. Проход открылся сразу — старик не сопротивлялся, не боялся, только обернулся на прощание.

— Передайте внукам, что я их люблю.

— Передадим, — сказал Андрей, хотя знал — не сможет. Не положено.

Старик ушёл. Проход закрылся.

Старший кивнул, одобрительно.

— Хорошо. Быстро. Теперь молодые.

Двое парней, лет двадцати, погибли в аварии. Они не понимали, что случилось — сидели на короточках у своих тел и спорили, кто виноват.

— Ты гнал, — говорил один.

— А ты не пристегнулся, — отвечал другой.

— Ребята, — позвал Андрей.

Они обернулись, удивлённые.

— Ты кто?

— Проводник. Вы умерли.

— Не может быть, — сказал тот, что был водителем. — Мы же ехали, музыка, скорость...

— Авария. Вы оба погибли на месте.

Парни посмотрели на свои тела, бледные, неподвижные. Один заплакал, другой сжал кулаки.

— Не пойду, — сказал водитель. — Я не хочу. У меня девушка, родители...

— Они придут. Попрошаются. А вам пора.

— Не пойду!

Он отшатнулся, попытался убежать, но стена марева преградила путь. Андрей подошёл, положил руку ему на плечо.

— Послушай. Если ты останешься здесь, станешь тенью. Будешь вечно скитаться между мирами, пугать живых, но не сможешь с ними говорить. Твои родные не узнают, что ты рядом. А если перейдёшь — они будут тебя помнить, любить, иногда чувствовать. Выбери.

Парень замер. Его друг, пассажир, уже успокоился, стоял рядом.

— Он прав, — сказал друг. — Пойдём. Вместе.

Водитель вздохнул, кивнул.

— Ладно. Веди.

Андрей взял обоих за руки, свет вспыхнул, проход открылся. Парни шагнули в него, обнявшись на прощание.

Женщина оказалась лёгкой — она умерла от болезни, давно ждала, не боялась.

— Спасибо, что пришли, — сказала она. — Я уже думала, никто не придёт.

— Мы всегда приходим, — ответил Андрей. — Просто не сразу.

Она ушла с улыбкой.

Ребёнок — девочка лет пяти — сидела на своей каталке и болтала ногами.

— Ты ангел? — спросила она, увидев Андрея.

— Почти. Я провожу тебя.

— А мама где?

— Мама придёт попрощаться. Но тебе нужно идти.

— Туда? — она показала на свет, который уже начал открываться.

— Туда.

Девочка спрыгнула с каталки, взяла Андрея за руку.

— А там хорошо?

— Хорошо.

Она шагнула в свет и исчезла, даже не обернувшись.

Андрей стоял, глядя на пустой проход, и чувствовал, как внутри разливается странная смесь — грусть и облегчение.

— Ты справился, — сказал Старший. — Но это были лёгкие. Будут и тяжёлые. Готовься.

— Я готов.

— Посмотрим.

Возвращение в Погорелку

Андрей не мог не навещать брата. Он знал, что не должен вмешиваться, но смотреть — не запрещено.

Он пришёл в Погорелку через несколько дней после своих похорон. Дима сидел на крыльце, смотрел на лес, курил. Ирина вышла, села рядом.

— Ты как? — спросила она.

— Держусь, — ответил Дима. — Андрей снился. Сказал, что у него всё хорошо.

— Может, так и есть.

— Может.

Андрей стоял в двух шагах, смотрел на брата, на его усталое лицо, на седину, которой раньше не было.

— Я здесь, Димон, — прошептал он. — Рядом.

Дима вздрогнул, посмотрел в сторону, где стоял Андрей.

— Чувствуешь? — спросила Ирина.

— Чувствую. Как будто он здесь.

— Может, он здесь.

Андрей улыбнулся и сел на ступеньку рядом с братом. Они сидели так до рассвета — живой и мёртвый, но вместе.

На прощание Андрей коснулся плеча брата. Дима вздрогнул, но не обернулся.

— Прощай, Димон, — сказал Андрей. — Я вернусь.

И ушёл в серое марево, где ждали новые души.

ГЛАВА 3. Учитель

Неделя спустя. Пространство между мирами.

Андрей привыкал к новому состоянию. Он научился перемещаться без помощи Старшего — достаточно было представить место, и серое марево расступалось, выпуская его туда, куда он хотел. Но возвращаться в мир живых без надобности он старался не часто — слишком больно было смотреть на тех, кого любил, и не иметь возможности говорить с ними.

Старший водил его по разным местам. Госпитали, дома престарелых, места аварий, поля сражений — только теперь не войны, а бытовых трагедий. Каждый день кто-то умирал, и проводников было не так много, чтобы справляться со всеми.

— Почему нас мало? — спросил Андрей.

— Потому что не каждый может стать проводником, — ответил Старший. — Нужно особое состояние души. Ты умел при жизни слушать, сочувствовать, не бояться смерти. Таких немного.

— А кто выбирает?

— Никто. Это случается само. Как дар. Как проклятие. Как работа.

Андрей мотнул головой. Он не выбирал — просто оказался здесь.

Самоубийца

Зов пришёл неожиданно. Не голос, а ощущение — тяжёлое, липкое, как смола. Андрей пошёл на него и оказался на железнодорожных путях на окраине города. Вокруг никого, только серое марево и фигура человека, стоящего на рельсах.

— Эй, — позвал Андрей.

Человек обернулся. Мужчина лет сорока, опухшее лицо, пустые глаза. Он не плакал, не кричал — просто стоял и смотрел в одну точку.

— Ты кто? — спросил он.

— Проводник. Ты умер, когда поезд...

— Знаю, — перебил мужчина. — Я сам лёг. Хотел, чтобы быстрее.

— Зачем?

— А зачем жить? Жена ушла, с работы уволили, дети не звонят. Один, как перст.

Андрей молчал. Он не знал, что сказать. При жизни он бы посоветовал обратиться к психологу, выпить чаю, подождать. Но здесь слова были другими.

— Теперь ты здесь. Но это не выход.

— А что выход?

— Перейти туда. Начать сначала.

— Туда, где нет ничего?

— Туда, где есть всё. Что ты не доделал при жизни, сделаешь там.

Мужчина усмехнулся.

— Ты веришь в эту сказку?

— Я здесь. Я умер. Я вижу. Верю.

Мужчина долго молчал. Потом спросил:

— А если я не пойду?

— Тогда останешься здесь. Будешь ходить по путям, пугать машинистов, маяться. Никто тебя не увидит, не услышит. Одиночество навсегда.

— А если пойду?

— Там тебя встретят. Может, родители, может, друзья. Или просто свет. Но ты не будешь один.

Мужчина заплакал. В первый раз за долгое время. Слезы текли по его лицу, но он не вытирал их.

— Я не знаю, как туда идти.

— Я проведу.

Андрей выставил ладонь. Свет на ладони вспыхнул, и проход открылся — но не сразу, не легко, как с другими. Он сопротивлялся, будто не хотел принимать этого человека.

— Иди, — сказал Андрей. — Не бойся.

Мужчина шагнул. Проход закрылся.

Андрей стоял, тяжело дыша. Это отняло у него много сил — больше, чем все предыдущие переходы вместе.

— Ты молодец, — сказал Старший, появляясь рядом. — Самоубийцы — самые тяжёлые. Их души не хотят уходить, они застряли в своём решении.

— Я устал.

— Отдохни. Скоро следующий.

Погорелка. Вечер.

Дима устроился на крыльце с банкой мёда и книгой — дедовы записи, которые он перечитывал в сотый раз. Пчёлы гудели ровно, граница молчала, но на душе было тревожно.

— Ты думаешь о нём? — спросила Ирина, выходя с чаем.

— О нём. И о том, что не уберёг.

— Ты не виноват. Тромб — это не простуда, его не предугадаешь.

— Знал бы — настоял, чтобы лёг в больницу раньше. Он же ногу натирал, говорил, болит.

А я отмахнулся: «пройдёт».

Ирина села рядом, положила голову ему на плечо.

— Не вини себя.

В углу крыльца затеплилось золотистое свечение. Дима поднял голову — слабое свечение, едва заметное, но тёплое.

— Андрей? — прошептал он.

Свет дрогнул, будто в ответ.

— Ты здесь?

Свет стал чуть ярче, потом погас.

Дима выдохнул.

— Он рядом.

— Знаю, — сказала Ирина. — Я чувствую.

Старый проводник

Андрей познакомился с ним в пространстве между мирами. Старик, сутулый, с длинной седой бородой, сидел на невидимой скамейке и курил трубку — дым был прозрачным, как и он сам.

— Присаживайся, — сказал он, когда Андрей подошёл. — Я здесь уже... не помню сколько. Ты новенький?

— Да. Андрей.

— А я Кузьма. Проводник с той войны. Ещё Первой мировой.

Андрей удивился.

— Вы так долго?

— Долго. Но мне не жалко. Работа хорошая, души разные. Интересно.

— А вы не хотите... ну, перейти?

— Перейти? — Кузьма усмехнулся. — Я уже перешёл. Я здесь. Это и есть моё «там». Я нужен здесь.

— А как вы узнали, что стали проводником?

— Так же, как ты. Пришёл, увидел, понял. И остался.

Он затянулся трубкой, выпустил прозрачное кольцо.

— Ты, главное, не торопись. Души чувствуют спешку, боятся её. С каждым нужно побыть, поговорить, пожалеть. Иногда день, иногда год. Но торопиться нельзя.

— А если их много? Если очередь?

— Очередь? — Кузьма покачал головой. — Нет здесь очередей. Каждая душа ждёт столько, сколько нужно. И проводник приходит ровно тогда, когда она готова. Не раньше, не позже.

— Я думал, мы должны успевать.

— Успевать — не значит торопиться. Успевать — значит быть вовремя.

Андрей задумался. Он вспомнил самоубийцу на путях — тот был готов, когда заплакал.

Не раньше.

— Спасибо, Кузьма.

— Не за что. Живи, — старик усмехнулся своей шутке. — Ну, или что там у нас.

Он исчез, оставив после себя запах табака — настоящего, земного, живого.

* * *

Пространство между мирами. Дни и ночи слились.

Андрей научился различать зов. Он приходил не звуком, а ощущением — щемящим, тянущим, как тоска по дому. Иногда зов был громким, не терпящим отлагательств, иногда — тихим, почти неслышным, будто душа стеснялась просить о помощи.

Сегодня зов был тихим. Очень тихим.

Андрей двинулся на него и оказался в больнице — не в той, где умер сам, в другой, детской. Палата интенсивной терапии, аппараты ИВЛ, писк мониторов. На кровати лежал мальчик лет семи, худой, бледный, с закрытыми глазами. Его душа стояла рядом, держала себя за руку — точнее, держала за руку свою мать, которая сидела у кровати и плакала.

— Ты слышишь меня? — спросил Андрей.

Мальчик поднял голову. Глаза его были большими, испуганными.

— Ты кто?

— Я помогу тебе перейти.

— Я не хочу переходить. Я хочу к маме.

— Мама здесь. Она рядом. Но ты её не видишь, потому что ты уже не в теле.

Мальчик посмотрел на свои руки — прозрачные, светящиеся.

— Я умер?

— Скоро. Врачи сделают всё, что могут, но... ты не вернёшься. Тело слишком слабое.

— А я не могу остаться? Ну, как призрак?

— Можешь. Но тогда ты никогда не увидишь маму по-настоящему. Только будешь стоять рядом и смотреть, как она плачет. А она тебя не увидит. Не услышит.

Мальчик заплакал. Слёзы его были прозрачными, как и он сам.

— Я хочу, чтобы она меня видела.

— Она будет видеть во сне. Иногда чувствовать. А если перейдёшь — сможешь ждать её там. Она придёт, когда придёт время.

— А долго ждать?

— Не знаю. Но ты будешь не один. Там много таких, как ты.

Мальчик посмотрел на мать. Та сидела, уткнувшись лицом в край кровати, плечи её вздрагивали.

— Мама, — прошептал он. — Я люблю тебя.

Она не услышала. Но вдруг подняла голову, посмотрела на пустое место, где стоял сын, и прошептала:

— Я люблю тебя, сынок.

Мальчик улыбнулся сквозь слёзы.

— Я готов, — сказал он Андрею. — Веди.

Свет на ладони Андрея вспыхнул. Проход открылся яркий, тёплый, пахнувший чем-то сладким — может быть, мёдом.

Мальчик шагнул, обернулся на мгновение, помахал матери рукой. И исчез.

Мать вздрогнула, будто что-то коснулось её щеки. Провела рукой по воздуху, но ничего не нашла.

Андрей вышел из палаты. Сердце его — то, что осталось от сердца — ныло.

— Тяжело с детьми, — сказал Старший, встречая его. — Но они — самые благодарные. Они не цепляются, не спорят. Просто любят.

— Почему они умирают? — спросил Андрей. — Несправедливо.

— Смерть не спрашивает, сколько тебе лет. Она приходит, когда приходит. Наша задача — сделать так, чтобы уход был лёгким. Не задавать вопросов.

Андрей согласился, но в душе остался осадок.

Дом Андрея. Город.

Он пришёл сюда, когда стало особенно тяжело. Не вмешиваться, просто смотреть. Мать сидела на кухне, пила чай, смотрела в стену.

— Как дела, мама? — спросил он, зная, что она не ответит.

Она подняла голову, посмотрела в угол, где стоял Андрей.

— Андрюша? — спросила она.

Андрей замер.

— Ты меня видишь?

— Не вижу, но чувствую. Ты здесь, да?

— Здесь.

Погорелка. Ночь.

Дима спал беспокойно. Ему снился брат — молодой, здоровый, каким был до болезни. Они сидели на крыльце, пили чай, и Андрей говорил:

— Ты не виноват. Слышишь? Не виноват.

— Я должен был настоять, чтобы ты лёг в больницу.

— Я бы не послушался. Ты же знаешь.

Дима проснулся в холодном поту. В углу комнаты теплился золотистый свет.

— Андрей? — позвал он.

Свет дрогнул, стал ярче. На мгновение Диме показалось, что он видит силуэт брата — крупный, коренастый, с татуировками на руках.

— Я здесь, — донёсся шёпот. — Я всегда здесь.

— Мне жаль, что не уберёг.

— Не жаль. Я на своём месте. И ты на своём.

Свет померк.. Дима долго сидел на кровати, глядя в темноту.

Старуха в деревне

Зов пришёл через два дня. Андрей оказался в деревенской избе, где на кровати лежала старая женщина с закрытыми глазами. Рядом сидела её дочь, держала за руку, плакала.

Душа старухи стояла у окна и смотрела на улицу.

— Хорошо здесь, — сказала она, когда Андрей подошёл. — Жалко уходить.

— Вы не уходите. Вы переходите.

— А какая разница?

— Там вас ждут. Муж, родители, может быть, друзья.

— А дочка? Она останется одна.

— У неё свои дети, своя жизнь. Она справится. А вы будете рядом — невидимо, но рядом.

Старуха вздохнула.

— Ладно, веди.

Проход открылся легко — она была готова.

— Передай дочке, — сказала старуха на прощание, — пусть не плачет. Я устала. Я хочу отдохнуть.

Андрей не ответил — он не мог передавать. Но когда вышел из избы, дочь вдруг подняла голову и прошептала:

— Мама? Ты сказала, что устала?

Андрей улыбнулся. Иногда они слышали. Иногда — нет.

ГЛАВА 4. Чужая боль

Пространство между мирами. Неопределённое время.

Андрей уже не считал дни. Он научился различать души по голосам — одни звенели, как колокольчики, другие хрипели, третьи молчали, но их молчание было громче любых слов.

Старший вёл его всё дальше, туда, где серое марево становилось гуще, а воздух — холоднее.

— Здесь живут те, кто не хочет уходить, — объяснял он. — Они застряли. Некоторые уже сотни лет.

— И мы их не можем вытащить?

— Можем. Но это долго и опасно. Если ты потеряешь свой свет, сам станешь тенью.

Андрей сжал кулак. Свет на ладони вспыхнул — ярко, уверенно.

— Я готов.

— Пока нет. Сначала научись чувствовать их боль, не принимая на себя.

Они вошли в густую тьму. Там, в центре, сидела женщина в лохмотьях. Лица не было видно — только руки, сжатые в кулаки.

— Кто она? — спросил Андрей.

— Самоубийца. Повесилась в своём сарае пятьдесят лет назад. С тех пор сидит здесь и проклинает всех.

— Почему мы не можем её забрать?

— Потому что она не хочет. Ей нравится злиться. Нравится ненавидеть. Это её единственная радость.

Андрей подошёл ближе. Женщина подняла голову. Глаза её горели красным.

— Ещё один, — прошипела она. — Убирайся.

— Я пришёл помочь.

— Мне не нужна помощь. Я хочу, чтобы все страдали, как я.

— За что?

— За то, что меня не любили. За то, что муж бил, дети предали, соседи смеялись.

Андрей сел на корточки напротив неё.

— Я понимаю. Меня тоже не все любили. Но зачем тебе эта тьма? Она же жжёт изнутри.

— Привыкла.

— А хочешь попробовать свет?

Женщина замерла. В её глазах мелькнуло что-то — то ли любопытство, то ли страх.

— Не умею.

— Я покажу.

Андрей предложил руку. Свет на его ладони вспыхнул ярче, осветил её лицо — измощённое, старое, но не злое. Просто уставшее.

— Возьми.

Она медленно протянула свою руку. Когда их пальцы соприкоснулись, Андрея пронзила боль — чужая, давняя, похороненная. Он увидел её жизнь: побои, унижения, одиночество. И последний день, когда она взяла верёвку и вышла в сарай.

— Держись, — прошептал он, чувствуя, как его собственный свет начинает угасать.

Но он не отпустил. Он тянул боль на себя, как учил Старший, пропускал через себя и выдыхал в пустоту.

Женщина заплакала. Впервые за пятьдесят лет.

— Мне жаль, — сказала она. — Мне так жаль.

— Иди, — сказал Андрей. — Тебя простят.

Воздух расступился, открывая дорогу — не сразу, с трудом, но открылся. Женщина шагнула в свет и исчезла.

Андрей упал на колени. Свет на его ладони почти погас.

— Дурак, — сказал Старший, появляясь рядом. — Ты мог погибнуть.

— Но не погиб.

— В следующий раз не рискуй. Ты нужен живым.

— Тем, кто умер?

— Им тоже. Но если ты угаснешь, кто будет их провожать?

Андрей поднялся. Свет на ладони замерцал снова — слабо, но живой.

— Я запомню.

Погорелка. Рассвет.

Дима стоял на пасеке, слушал пчёл. Они гудели тревожно — граница дрожала. Ирина вышла к нему, кутаясь в платок.

— Что там?

— Не знаю. Но что-то случилось. Будто тьма отступила.

— Откуда?

— Может, Андрей помог.

Ирина перекрестилась.

— Дай Бог.

В углу двора, у старой яблони, мерцнул тёплый огонёк. Дима улыбнулся.

— Здравствуй, брат.

Свет дрогнул, будто в ответ.

— Спасибо, — сказал Дима. — За всё.

Свечение угасло., но тепло осталось.

Город. Квартира матери.

Андрей пришёл снова. Не вмешиваться, просто быть рядом.

Мать сидела за столом, перебирала его фотографии. На одной — он с братом на рыбалке, улыбающиеся, загорелые. На другой — на шашке, с татуировками, ещё свежими.

— Глупый ты был, — сказала она вслух. — Зачем столько тату? Кожа не железная.

Андрей усмехнулся.

— А тебе нравилось, мам. Ты сама говорила: «Красиво».

Она вздрогнула, будто услышала.

— Андрей? — позвала она.

— Я здесь, мам.

— Приснись мне сегодня. Пожалуйста.

— Обязательно.

Она вздохнула, убрала фотографии в ящик и пошла на кухню — ставить чайник.

Андрей постоял ещё немного, потом ушёл.

Скорая помощь

Зов пришёл неожиданно — резкий, громкий. Андрей оказался в машине скорой помощи, которая мчалась по ночному городу. На носилках лежал молодой парень — ноги перебиты, лицо в крови. Его душа сидела рядом, на корточках, и смотрела на своё тело.

— Я умру? — спросил он.

— Да, — ответил Андрей. — Внутреннее кровотечение. Врачи не успеют.

— А я только женился. Жена дома ждёт.

— Она придёт в больницу. Попрошется.

— Не хочу.

— Знаю. Но так надо.

Парень заплакал. Андрей сел рядом, положил руку ему на плечо.

— Я тебя проведу. Не бойся.

— А там страшно?

— Нет. Там тепло.

Парень вытер слёзы, кивнул.

— Веди.

Стена марева разомкнулась легко — душа не сопротивлялась, только тосковала.

Андрей вышел из машины скорой помощи на ходу. Врачи не заметили.

* * *

Город. Квартира матери. Несколько дней спустя.

Андрей пришёл не один. С ним был мальчик лет десяти, которого он подобрал в странстве между мирами — тот застрял после аварии, не понимал, что умер, и бродил по серому мареву, плакал, звал маму. Андрей нашёл его, успокоил, пообещал проводить, но сначала зашёл сюда — показать, что мир живых не исчезает, просто становится другим.

— Здесь живёт моя мама, — сказал Андрей.

Мальчик посмотрел на спящую женщину.

— Она старая.

— Уже да. Но она сильная.

— А ты её любишь?

— Очень.

— А почему ты не с ней?

— Потому что умер. Теперь моя работа — помогать таким, как ты.

Мальчик задумался, потом спросил:

— А моя мама тоже будет меня видеть?

— Иногда. Во сне. Или просто чувствовать.

— Этого мало.

— Знаю. Но так устроен мир.

Мальчик вздохнул, взял Андрея за руку.

— Пошли. Я готов.

Открылся проход легко. Мальчик шагнул, обернулся на мгновение, помахал рукой матери — та во сне улыбнулась.

Андрей вышел на улицу. Ночь была тёмная, фонари горели тускло. Он постоял, глядя на окна матери, и пошёл дальше — туда, где ждали новые души.

Старый проводник о татуировках

Андрей встретил Кузьму у невидимой скамейки. Старик курил трубку, выпускал прозрачные кольца.

— Ты сегодня молодец, — сказал Кузьма. — Того мальчика быстро проводил.

— Он сам захотел. Только боялся.

— Дети всегда боятся. Но если с ними говорить, они успокаиваются.

Андрей сел рядом, закатал рукава. Сова и кельтский крест светились на его предплечьях.

— Кузьма, а что значат эти татуировки? Ты говорил, не случайно.

Старик усмехнулся.

— Сова — это мудрость. Ты при жизни был неглуп, но часто лез, куда не просят. Сова учит смотреть со стороны. Крест — защита. Не от людей, от тьмы. Ты носил их на коже, а теперь они — часть твоего света.

— Я сделал их лет пять назад, — сказал Андрей. — С пьяных глаз, в подвале у знакомого мастера.

— Судьба не спрашивает, трезвый ты был или пьяный. Она ставит знаки. Ты выбрал эти знаки, потому что они были нужны. Просто не знал зачем.

Андрей посмотрел на свои руки. Татуировки пульсировали в такт его свету.

— Они помогут мне?

— Уже помогают. Души видят их. Сова успокаивает, крест даёт уверенность. Ты сам не замечаешь, как это работает.

— А я могу их показать живым?

— Можешь. Если кто-то увидит — значит, так надо. Но не специально.

Андрей принял слова, закатал рукава.

— Спасибо, Кузьма.

— Не за что. Иди, там работа.

Больница. Онкология.

Зов привёл его в палату, где на койке лежала молодая женщина с бритым черепом. Рядом сидел муж, держал её за руку. Душа женщины стояла у окна, смотрела на улицу.

— Красиво там? — спросил Андрей, подходя.

— Да, — ответила она. — Но я не хочу уходить.

— Знаю.

— Мне сказали, что я не выздоровею. Врачи. А я не верю.

— Придётся поверить.

Она повернулась к нему. Глаза её были сухими, но в них застыла такая боль, что Андрею стало не по себе.

— У меня дочка. Три года. Она не поймёт, почему мама не приходит.

— Она поймёт, когда вырастет. А пока ты будешь рядом — невидимо.

— Этого мало.

— Знаю. Но так устроен мир.

Она долго молчала. Потом спросила:

— А ты? У тебя есть дети?

— Нет. Только мать и брат.

— Они скучают?

— Скучают. Но я прихожу к ним. Иногда они меня чувствуют.

— А я смогу приходить к дочке?

— Сможешь. Но только смотреть. Не вмешиваться.

Она вздохнула, отошла от окна.

— Ладно, веди.

Золотая арка разверзлась перед ними медленно — она не хотела уходить, но знала, что надо. Андрей взял её за руку, свет вспыхнул, и она шагнула.

Муж в палате вздрогнул, поднял голову.

— Ты ушла, — прошептал он.

Монитор заорал — сердце остановилось.

Андрей вышел в коридор. Медсёстры бежали на крик, но он знал — уже поздно.

Погорелка. Утро.

Дима ждал на крыльце, пил чай. Ирина возилась в огороде. Пчёлы гудели ровно, граница молчала. Октябрь разукрасил лес — рыжие, багряные, жёлтые пятна горели на деревьях, а воздух пах дымом и прохладой.

В углу крыльца затеплился свет. Золотистый, тёплый, знакомый.

— Привет, брат, — сказал Дима не оборачиваясь.

Свет дрогнул, стал ярче, и из него выступил силуэт — крупный, коренастый, с татуировками на руках.

— Здравствуй, Дим, — сказал Андрей. Он говорил не голосом, а мыслью, но Дима слышал отчётливо.

— Ты как там?

— Нормально. Работаю.

— Кого проводил сегодня?

— Старуху одну. Долго не хотела уходить, но я уговорил.

Дима усмехнулся.

— Ты всегда умел уговаривать.

— А ты всегда умел слушать.

Они помолчали. Ирина подняла голову от грядок, посмотрела в их сторону, но ничего не увидела — только Диму, разговаривающего с пустотой.

— Ты ей не говори, что я здесь, — сказал Андрей. — Она не поймёт. Или испугается.

— Она знает, что ты приходишь. Чувствует.

— Это другое.

Свет начал меркнуть.

— Я пойду, Димон. Там работа.

— Заходи ещё.

— Обязательно.

Андрей исчез. Дима долго сидел, глядя на пустое место, потом допил чай и пошёл помогать Ирине.

Пространство между мирами. Позже.

Андрей вернулся к Старшему. Тот ждал его на невидимой скамейке.

— К брату ходил?

— Ходил.

— Не бойся, что он привыкнет?

— Пусть привыкает. Он Хранитель, ему легче будет.

Старший кивнул.

— Сегодня будет трудный. Пьяница. Умер от цирроза, не признаёт, что умер.

— Где он?

— В баре. Там, где всегда пил.

Андрей шагнул в марево и оказался в захудалом баре на окраине города. За стойкой сидел мужик в рваной телогрейке, держал в руке пустую рюмку и требовал налить.

— Эй, — позвал Андрей. — Ты меня слышишь?

Мужик поднял голову. Глаза его были мутными, но он видел Андрея.

— Ты кто?

— Проводник. Ты умер, Василий.

— Не может быть. Я только выпить зашёл.

— Ты не выходил отсюда три года. Твоё тело давно в земле.

Мужик замер. Посмотрел на свои руки — прозрачные, светящиеся.

— А ведь правда, — прошептал он. — Я помню, как лёг под забором, а дальше — темнота.

— Ты застрял. Боялся переходить.

— А там что?

— Там тебя встретят. Может, мать, может, отец.

— Мать меня прокляла. Отец бил.

— Всё равно встретят. Они уже там.

Мужик заплакал. Пьяные слёзы, горькие.

— Я не хочу.

— А ты попробуй. Хуже не будет.

Андрей раскрыл ладонь. Огонёк на ладони разгорелся. Марево раздвинулось, пропуская свет — серый, тусклый, но открылся.

Мужик долго смотрел на него, потом шагнул.

— Прощайте, — сказал он.

И исчез.

Андрей вытер невидимый пот со лба.

— Ещё одного, — сказал он сам себе.

Город. Квартира матери. Вечер.

Андрей пришёл, когда мать готовила ужин. Она поставила на стол две тарелки — по привычке. Одну — себе, другую — для него.

— Здравствуй, сынок, — сказала она, хотя не видела его.

Андрей сел на стул напротив.

— Здравствуй, мам.

— Я знаю, что ты здесь. Чувствую.

— Я всегда здесь.

— А почему не показываешься? Во сне хотя бы.

— Показываюсь. Ты просто не помнишь.

Мать вздохнула, помешала суп в кастрюле.

— Скучаю, Андрюша.

— И я скучаю.

Она поставила тарелку на стол, села, перекрестилась.

— Ну, с ужином, сынок.

Андрей смотрел, как она ест, и чувствовал, как свет внутри него становится теплее.

ГЛАВА 5. Квота

Пространство между мирами. Неопределённое время.

Андрей уже потерял счёт дням. Он провёл больше сотни душ — стариков, детей, самоубийц, жертв аварий. Каждая оставляла след, но он научился не держать их в себе. Выдыхать боль, пропускать свет.

Сегодня Старший встретил его не на обычной скамейке, а в центре серого марева, где воздух дрожал и потрескивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.